

Свистнула стрела, и острый наконечник насквозь прошил шею добычи.

— Хорош!

— Слава вождю!

— Даже лучшие лучники Дася, прошедшие суровую выучку, едва справляются с луком в два даня. А наш вождь бьет без промаха из лука в четыре даня, да еще и на полном скаку! Вот он — истинный воин Вечного Синего Неба!

Воины племени Сюэди, вскинув руки, разразились восторженными криками. Сердца их пылали гордостью.

Однако Сюэлегэр, объект их обожания, оставался мрачнее тучи. На его лице не промелькнуло и тени радости. Спрыгнув с коня, он направился к сраженному зверю.

На полпути из густых зарослей выскочило несколько гигантских гиенодонов. Окружив едва дышащую косулю, хищники оскалились, явно намереваясь забрать добычу себе.

— Проклятые твари! Как они смеют посягать на добычу вождя! — Дарибат, кряжистый и широкоплечий воин, в ярости указал на зверей. — Вождь, позволь мне проучить этих выроdkов!

Дарибат был одним из «четырех авангардов» Сюэди и сопровождал Сюэлегэра с самых первых дней.

— Не нужно, — Сюэлегэр отбросил длинный лук и выхватил из-за пояса кривой нож. Твердым шагом он двинулся прямо на рычащую стаю.

— Вождь, вы неужели в одиночку... — Дарибат осекся. — Будьте осторожны!

Он подал знак остальным. Воины поняливо обнажили оружие, готовые в любой миг броситься на помощь. Дарибат вовсе не сомневался в силе своего господина, но этих тварей в степях Ула называли «вестниками смерти». Массивные головы, длинные лапы, невероятная скорость — они были не менее свирепы, чем тигры или леопарды, а их челюсти с легкостью дробили кости. Но страшнее всего было то, что они нападали стайей, терзая жертву со всех сторон.

Сюэлегэр обмотал правую ладонь прочным кожаным хлыстом, в левой сжал клинок. Он был готов к схватке с «ветеранами смерти».

— Безумец! Он что, голыми руками разорвал пасть этой твари? Он вообще человек? — Шалалигэ, стоявший в отдалении с натянутым луком, в ужасе расширил глаза, глядя на кровавую расправу.

Это не было битвой человека со зверем. Это было яростное истязание, учиненное разгневанным демоном.

— Кто... кто посмел разозлить вождя? — Дарибат и сам не на шутку перепугался, оглядываясь на своих людей.

Те лишь испуганно мотали головами.

— Шалалигэ, это опять ты что-то выкинул? — спросил Дарибат.

— При чем тут я?! — опешил юноша.

— Кроме тебя, паршивого щенка, никто не умеет так выводить его из себя!

— Да откуда мне знать... Что это на него нашло? — Шалалигэ побледнел. — Кто его довел?

Несмотря на дерзкий тон, в голове Шалалигэ шел лихорадочный поиск ошибок. «Странно! Ведь только вчера мы вместе пили вино! Неужели он решил припомнить мне старые обиды именно сейчас?»

Лишь когда солнце начало клониться к закату, мужчина прекратил свою кровавую работу. Он издал протяжный крик, от которого птицы в лесу в ужасе сорвались с веток, а Шалалигэ едва не свалился с седла.

На траве не осталось ничего живого — лишь бесформенные куски плоти тех, кто посмел сопротивляться. Вокруг Сюэлегэра поднимался пар от горячей крови, а в воздухе стоял тяжелый медный запах. Казалось, сам бог войны сошел на землю.

— Вот она, мощь золотой крови, — Дарибат подошел ближе и хлопнул мужчину по плечу. — Вождь, вы все больше походите на своего отца. Славная была сеча, вы, верно, утомились? Давайте разведем костер прямо здесь, зажарим мясо, достанем кумыс и выпьем как следует!

— Забудь об этом, Дарибат, — отмахнулся Тесар, другой военачальник. — У нашего вождя теперь дома красавица. Он в лагерь спешит раньше, чем солнце сядет. Где ему найти время на посиделки с нами, грубиянами?

Дарибат усмехнулся. Все в племени слышали, как вождь дорожит своей новой женой из Дася — бережет, словно жемчужину, боится и шагу без присмотра дать ступить.

Сюэлегэр даже не поднял глаз на шутку Тесара. Он просто вылил на голову воду из бурдюка, смывая грязь и кровь. Кое-как перевязав раны, он сухо бросил:

— Разводите огонь. Я проголодался.

Воины, уже собиравшиеся в путь, замерли и переглянулись. Слова вождя их крайне изумили.

— А, ну раз так... Костер, живо костер! — первым опомнился Дарибат и легонько пнул Шалалигэ. — Чего стоишь? Собирай хворост!

Шалалигэ закатил глаза, но послушно отправился за дровами.

— Пьем! — воины уселись вокруг огня и разом осушили чаши.

Тесар вытер окладистую бороду и с чувством произнес:

— Какая же это благодать — пить вволю и есть досыта! Пять лет назад я о таком и мечтать не смел.

— И все благодаря нашему вождю! Если бы не он, не видать нам такой жизни! — Дарибат уже немного захмелел. — Ну, за вождя! До дна!

Шалалигэ с чашей в руках наблюдал за братом. Тот сидел напротив, в самом центре внимания, но не проронил ни слова. Он молча смотрел на танцующее пламя, словно погрузившись в забытье.

— Ух, перебрал... Пойду-ка я до ветру! — икнул Дарибат.

— погоди, я с тобой, — раскрасневшийся Тесар пошатываясь поднялся, и они, поддерживая друг друга, скрылись в темноте.

У костра воцарилась тишина. Остались лишь Шалалигэ и Сюэлегэр.

Они молчали. Шалалигэ с трудом терзал кусок мяса — у него шатались два зуба, и жевать было больно, приходилось откусывать по чуть-чуть. Сюэлегэр же все так же сжимал в руках чашу, погруженный в свои мысли.

В конце концов, Шалалигэ не выдержал и раздраженно вздохнул:

— Ну говори уже. Что у тебя опять стряслось с этой женщиной?

Сюэлегэр поднял взгляд. Его глаза казались подернутыми коркой льда, но само выражение лица подтвердило догадку брата.

— Ладно, считай, что я ничего не спрашивал. Язык мой — враг мой.

— От гнева я совершил то, что причинило ей боль, — вдруг произнес Сюэлегэр.

— И с чего бы тебе гневаться?

— Она принесла мне список женских имен. Просила выбрать наложниц.

У Шалалигэ дернулась щека. Если бы перед ним сидел кто-то другой, он бы отвесил ему оплеуху и спросил, чего еще этому человеку не хватает для счастья.

— Она сама выбирает тебе наложниц, а ты злишься? — Шалалигэ был искренне озадачен. — Ты взял в жены красавицу, умную и, к тому же, великодушную женщину. Чем ты недоволен?

— Я доволен ей. Но в ту ночь, когда твою мать привезли в Сюэди, моя мать вонзила кинжал в плечо отца.

— И... и что с того?

— Она очень любила отца. Когда кого-то любишь, не терпишь рядом с ним никого лишнего.

— Погоди... ты хочешь сказать, что взбесился из-за того, что она тебя не ревнует? Ты думаешь, раз она не кидается на тебя с ножом, значит, не любит?

Сюэлегэр промолчал. Он редко проявлял эмоции, и со стороны казалось, что он беспристрастен. Но те, кто его знал, понимали: он не умеет лгать или притворяться. Молчание было знаком согласия.

Шалалигэ снова тяжело вздохнул. Он всегда думал, что такие мужчины бывают только в книжных романах, а оказалось — вот он, сидит рядом. Его брат был тем самым редким видом безумца — верным до мозга костей.